

Л. М. НЕИЗВЕСТНЫХ

А. С. ПУШКИН И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(По книге А. Фадеева «За тридцать лет») ¹

Совершенствуя мастерство художественного познания современной действительности, писатели социалистического реализма обращаются и к традициям классической литературы. «Шекспир и Толстой, Гете и Пушкин, Фирдоуси и Руставели, Гоголь и Шевченко, Бальзак и Горький — такова та великая школа, в которой учится, которую наследует советская художественная литература» ².

У русских классиков она черпает чуткость к народной жизни и реализм, высокую гражданственность и гуманизм, мастерство типизации и психологического анализа, эмоциональность, образность речи, чистоту и великолепие русского языка. Все это не только творчески усваивается, но и обогащается новым художественным опытом, соответственно духу и стилю эпохи строительства коммунизма. Опыт литературы прошлого, говоря словами Фадеева, входит «в современную литературу преломленным сквозь призму социалистического опыта и революционного мировоззрения» ³. Творческая практика выдающихся советских писателей убеждает, что советская литература является «самой верной, надежной продолжательницей всего самого светлого, лучшего, передового, что было создано художественной мыслью человечества» ⁴.

¹ См. А. Фадеев. За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., «Советский писатель», 1957. В дальнейшем статьи с высказываниями Фадеева цитируются по книге «За тридцать лет».

² А. Фадеев. Советская художественная литература, стр. 173.

³ А. Фадеев. Социалистический реализм — основной метод советской литературы, стр. 122.

⁴ А. Фадеев. Советская литература и великие традиции классиков, стр. 335.

В наши дни, когда советское литературоведение поднимается на новую высоту в разработке теоретических основ социального реализма, особый смысл приобретает проблема традиций и новаторства в советской литературе⁵.

Серьезного внимания заслуживает исследование и обобщение высказываний советских писателей, особенно крупнейших, по вопросам литературы и искусства. В этом плане интересны критико-литературоведческие суждения выдающегося советского писателя А. Фадеева о великом гении русской литературы А. С. Пушкине. Исследователям еще предстоит решить этот важный вопрос⁶. В данной статье выясняется лишь вопрос об отношении Фадеева к Пушкину, оценка им роли поэта в русской литературе.

А. Фадеев, один из зачинателей советской литературы, учился у Л. Толстого, Пушкина, Горького и других писателей старшего поколения мастерству лепки характеров и портретной живописи, умению изображать душевный мир своих героев, постановке острых вопросов из жизни народа. Им же многократно подчеркивалось, что именно Пушкин, Л. Толстой и Горький пользуются наибольшей популярностью в нашей стране и что, «несмотря на огромные социальные и индивидуальные различия между ними, они своими произведениями утверждают живую жизнь и отвечают оптимистическому мировоззрению и мироощущению людей нашего общества»⁷.

Он отметил близкое родство советской литературы с великой русской классической литературой, особенно с ее революционно-демократическим крылом: «Нашей душе всегда были ближе великие классики-реалисты прошлого века. Естественно, что в первую очередь классики России — Пушкин, Некрасов, Толстой, Тургенев, Чехов»⁸. Характерно вдумчивое отношение Фадеева к Пушкину, интерес к которому сохранился у него на всю жизнь. Вот как, например, раскрывается эволюция вхождения Пушкина в жизнь советского писателя: «Пушкин, несмотря на кажущуюся его простоту, долгое время был для меня недоступен»⁹. «В детстве, например, я очень любил сказки Пушкина... В отрочестве... увлекался «Полтавой», «Ка-

---

⁵ Эта мысль подчеркнута в докладе А. Суркова III Всесоюзному съезду советских писателей: «Задачи советской литературы в коммунистическом строительстве». «Литературная газета», 1959, 19 мая.

⁶ Глубокие и интересные статьи: В. Озеров. Боевое оружие. «Новый мир», 1957, № 12, стр. 183—191; Е. Павловский. Живые страницы истории литературы. «Русская литература», 1958, № 1, стр. 260—263; Е. Книпович. Живой опыт. «Знамя», 1958, № 3, стр. 188—197. Ряд работ и других авторов далеко не исчерпывает проблемы, поставленные в книге А. Фадеева «За тридцать лет».

⁷ А. Фадеев. Ответы на анкету корреспондента бразильской прогрессивной газеты, стр. 110.

⁸ А. Фадеев. О советской литературе, стр. 461.

⁹ А. Фадеев. О Пушкине, стр. 148.

питанской дочкой», «Дубровским» и отчасти «Борисом Годуновым»... увлекался только элементами героического в них. В юности мне открылся «Евгений Онегин» и на всю жизнь стал для меня одним из самых любимых произведений мировой литературы... «Евгений Онегин» пленил меня тем же, чем пленяли произведения Толстого: здесь мысли, дела и чувства людей также рассматриваются с точки зрения «хорошего» и «дурного»¹⁰.

На протяжении всей литературной деятельности Фадеева нельзя не видеть влияния на него благородных традиций Пушкина. Не только проза, но и лирика Пушкина стала плодотворной почвой для формирования эстетических идеалов Фадеева. Она пленяла его «полной охватом, естественностью выражения всех человеческих эмоций», всем «многообразием мыслей и чувств человека и утверждением... этих чувств и мыслей, как совершенно естественных... проявлений человеческого духа»¹¹. Фадеева привлекает богатство и разнообразие красок палитры поэта, на которой «свободно умещались большие общественные, политические страсти и самые интимные и тонкие личные переживания»¹². Вдумчиво исследуется литературное наследие великого русского поэта.

Пушкин — гениальный русский просветитель, создатель русского литературного языка и родоначальник великой русской литературы, поднявший ее в идейном и художественном отношении на уровень самой передовой, самой выдающейся литературы мира. Именно от него берет истоки русская классическая литература, нити которой через все последующее ее развитие тянутся от Пушкина до наших дней. Пушкина и Тургенева Фадеев считает родоначальниками русской прозы. Он отмечает, что «без Тургенева немислимы Бунин и Алексей Толстой (наш)».

Высоко ценя прозу Пушкина, Фадеев говорит о ее своеобразии: «Она обаятельна своей простотой, краткостью, выразительностью мысли. Она умна». Но он же замечает, что «в ней нет господствующей мысли. Это особенно видно, когда знакомишься с отрывками неоконченных вещей, — слишком разбросанный интерес». Эти суждения Фадеева относятся к неоконченным произведениям Пушкина, не завершенным идейно. Не вызывает споров тот факт, что по целому ряду сложных обстоятельств Пушкин был весьма осторожен в политических выводах.

Естественно, что для писателя-большевика, художника новой, социалистической эпохи не приемлема боязнь Пушкина «заострять противоречия», не приемлемы «сглаженные и даже

---

¹⁰ А. Фадеев. О Пушкине, стр. 148.

¹¹ Там же, стр. 149.

¹² Там же, стр. 150.

счастливые концы» в ряде его произведений¹³. Однако это не помешало сделать вывод, что Пушкин — «истинный родоначальник русской прозы»¹⁴. Анализируя значение великого писателя в развитии художественной мысли, Фадеев говорит и о его последователях. Так, «Шинель» Гоголя немислима без «Станционного смотрителя». Линия Гоголя, художника «особенного», получившая свое развитие в Достоевском, тоже имеет своим истоком Пушкина. Хотя «это кажется парадоксальным, ибо никто так не противоположен друг другу, как Пушкин и Достоевский. Это два разных жизненных начала, если учесть каждого в основе, но Пушкин вместил в себя все, Достоевский тоже из него, через Гоголя и непосредственно»¹⁵.

В Пушкине обнаруживаются зародыши всего, что развилось в русской прозе XIX века. Так, чутьем большого художника Фадеев улавливает в «Гробовщике», в «Станционном смотрителе», в «Пиковой даме» то, что будет присуще Гоголю и Достоевскому, а в «Истории села Горюхина» — Салтыкову-Щедрину. И в то же время, — замечает Фадеев, — «это Достоевский — по языку». Фадеев видит связь Тургенева и Чехова с Пушкиным, а Лескова называет «побочным сыном Пушкина». От Пушкина, особенно от его неоконченных светских вещей, идет и манера изображения светского общества у Лермонтова и Толстого. «Пушкин, — пишет Фадеев, — уже видел в этом обществе все то, что было так ненавистно Лермонтову и Толстому». Он «наметил почти все, что разрабатывалось в прозе после него, в силу гениальности своей. Возможно, он слишком рано умер для прозаика. Мировоззрение его, атеистическое, приемлющее жизнь, было все же слишком барским и поэтому не вполне бесстрашным»¹⁶.

Полемицируя с профессором В. Кирпотиним, Фадеев справедливо отвергает как бездоказательную его мысль о том, что Пушкин «был в начале пути на крестьянских позициях». Однако признает, что, «боясь Пугачева, Пушкин был достаточно бесстрашен, чтобы показать его человеком незаурядным и обаятельным». Он увидел в Пугачеве крупного исторического деятеля. Ведь именно Пушкин, отмечает Фадеев, «первый подсмотрел в народных низах цельные, деятельные характеры, — правда, главным образом «разбойные» (Пугачев, мужики в «Дубровском», Кирджали)»¹⁷.

Глубокий интерес представляют высказывания Фадеева о романе «Евгений Онегин». Замечательно, что Пушкин хорошо чувствовал движение, развитие общества и что именно в этом произведении «ясно звучит должное, желаемое, мечтае-

¹³ А. Фадеев. Проза Пушкина, стр. 851 и 852.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. Фадеев. О Тургеневе, стр. 854.

¹⁶ А. Фадеев. Проза Пушкина, стр. 852.

¹⁷ Там же.

мое»¹⁸. «В моральной области, — продолжает далее Фадеев, — это, прежде всего, образ Татьяны, в которой воплощены лучшие черты самого Пушкина, его неосуществленная жизненная мечта, и в то же время собирательный образ русской женщины». Пушкин в жизни увидел рассеянные черты, которыми наделил Татьяну. Он обобщил, собрал их в единый идеализированный образ русской девушки и женщины («А та, с которой образован Татьяна милый идеал», — писал Пушкин, называя свою героиню «верным идеалом»). В этом мастерстве типизации — «величайшая победа реализма, который без мечты, без должного, то есть без романтики, не есть реализм», — заключает Фадеев.

Правильно замечая, что в работе М. В. Нечкиной «Народ и искусство» несколько преувеличены демократические элементы в творчестве Пушкина, Фадеев отмечает: «Онегин, Ленский, Татьяна — это исключение в дворянском обществе, из этой исключительной среды вышли декабристы. Но как эти исключительные люди все же далеки от народа! В «Онегине» очень подчеркнута дворянская почва, на которой они произросли. Белинский хорошо это понимал, когда говорил, что Пушкин нападает в дворянстве на все, что противоречит гуманности, но принцип класса для него вечная истина»¹⁹. Фадеев соглашается с «глубокой социальной характеристикой», которую дал Пушкину Белинский²⁰.

Великое искусство — это прежде всего искусство отражения поступательного движения истории. Обращаясь к классикам литературы и искусства, Фадеев всегда стремился вскрыть их связь с большим народным движением, показать, как в их творчестве отразилась эпоха. Так, «гений Пушкина, — отмечает Фадеев, — это продукт того возросшего национального самосознания, которое заявило о себе в победоносной, справедливой Отечественной войне 1812 года и породило движение декабристов»²¹. Гениальность Пушкина обусловлена особенностями исторического развития сформировавшей его русской нации. Проанализировав национальную почву, породившую Пушкина, Фадеев ставит вопрос: «Можно себе представить Пушкина без Отечественной войны 1812 года?» и отвечает: «Нет, она во многом определила путь развития России в XIX веке. Как всякая справедливая война, она раскрыла перед русским народом его силы, подняла его национальное самосознание. Пушкин — это то, что дала в области литературы наша русская нация в результате победы над Наполеоном, где великая русская нация пока-

¹⁸ А. Фадеев. «Евгений Онегин», стр. 850 и 851.

¹⁹ Там же, стр. 851.

²⁰ А. Фадеев. Белинский — великий литературный критик, стр. 452.

²¹ А. Фадеев. Задачи литературной теории и критики, стр. 409.

зала свою богатырскую историческую силу»²². Творчество Пушкина развивалось в русле передовой реалистической литературы своего времени. Его место в жизни русской нации Фадеев определяет очень образно: Пушкин — это «Волга, поющая миллионы людей». В его поэзии — вся Русь, все разнобразно, вся многосторонность ее национального духа²³. Пушкин был гений, он вмещал все. Это дало ему возможность выйти далеко за национальные рамки. Так замечает Фадеев.

Очень резко и гневно Фадеев писал, что недостаточно широкая известность Пушкина в Европе в свое время объясняется не тем, что Пушкин недостаточно велик, а тем, что «заславшаяся, невежественная Европа не видела, что происходило в это время с великой русской нацией и поэтому наплевательски относилась к такому гению русского народа, как Пушкин»²⁴. Страстный публицистический дух этого высказывания определяется гражданской гордостью Фадеева за Россию декабристов, Белинского, революционных демократов, народолюбцев, марксистов-ленинцев, за Россию Пушкина, Толстого, Чехова, Горького²⁵. Ведь именно от лица передовой России своего времени выступил и Пушкин на мировой арене. Его имя вошло в ряд самых светлых умов человечества: «Да, мы имеем смелость и счастье заявить перед всем миром, что мы гордимся нашим Пушкиным, гордимся, в частности, и тем, что светлый и всеобъемлющий гений его поэзии был порожден нашим народом еще на заре прошлого века, когда титанические силы народа были еще скованы. Какие же неиссякаемые, чистые родники таланта были сокрыты в нашем народе, если он в тех условиях породил Пушкина!»²⁶.

Фадеев неустанно пропагандировал наследие мастеров прошлого, призывал молодых писателей учиться у них. Он показал и то, чем дорог и близок нашей эпохе Пушкин: «Мы понимаем и ценим свободолюбие Пушкина, потому что мы — самый свободный, подлинно свободный, единственно свобод-

²² А. Фадеев. Советская литература на подъеме. «Правда», 1947, 30 июня. Эта же мысль развивается Фадеевым в статье «Задачи литературной теории и критики», стр. 415—417. В ней содержится развернутая полемика с исследователем Нусиновым, ограждает русский гений от ложных теорий, выдвигаемых в книге «Пушкин и мировая литература». Фадеев не разделяет и точку зрения авторов сборника «Пушкин — родоначальник новой русской литературы» (изданного в 1941 году). См. ст. А. Фадеева «Литературоведение и критика», стр. 530.

²³ А. Фадеев. Белинский и наша современность, стр. 456. Аналогичное суждение содержится и в статье «О недостатках литературы и о литературной критике», стр. 515.

²⁴ А. Фадеев. Советская литература на подъеме. «Правда», 1947, 30 июня.

²⁵ См. А. Фадеев. Задачи литературной теории и критики, стр. 421.

²⁶ А. Фадеев. Светлый и всеобъемлющий гений, стр. 490.

ный народ на свете. Нам по душе светлый материалистический разум Пушкина, потому что наш народ — хозяин своей земли, первый овладевший законами развития общества, своими руками создающий свое светлое будущее. Нашему сердцу отвечает патриотизм Пушкина, его любовь к родной стране, потому что, освобожденный от пут эксплуатации, наш народ кровно связан со своим отечеством, созданной нашими руками страной социализма. Только нам до конца раскрылась народность поэзии Пушкина, потому что мы — свободные потомки великого народа, породившего Пушкина. Нас вдохновляет жизнерадостность его поэзии, потому что мы — самый жизнерадостный и счастливый народ на свете, сознающий свои силы и уверенный в своем будущем. Мы восхищаемся ясными и простыми формами его поэзии, потому что правдивая простота и ясность — это стиль нашей жизни»²⁷.

Творчество Пушкина было тесно связано с жизнью России, его вечно живые образы отвечали злободневным требованиям времени. Творец «Евгения Онегина» прекрасно владел и стилем публицистики, и «газетным» стихом, откликаясь на текущую злобу дня²⁸. Он создавал и широкие художественные полотна. В том и проявилась гениальность Пушкина, что им поэтически были «схвачены» существенные стороны действительности того времени²⁹. Глубочайший реализм и народность, высокий гражданский пафос и гуманизм, величайшее поэтическое мастерство и мощь таланта подчеркнуты Фадеевым во всех его суждениях о русском писателе.

Коммунистическая партия в условиях социалистического строя широко использовала наследие Пушкина для воспитания трудящихся, превратила «наследие Пушкина в подлинно народное достояние и раскрыла истинное значение его гения для народа»³⁰. Особенно велико значение Пушкина в воспитании художественных вкусов у молодого поколения. Слова В. Г. Белинского: «Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства»³¹ — целиком приемлемы и для нашей эпохи.

Именно нам, советским людям, строящим коммунизм, импонирует пушкинское понимание «внутренней красоты человека» и лелеющая человеческую душу пушкинская гуманность, нам понятна «светлая, ясная и отрадная грусть» Пушкина³², его «светлая скорбь»³³.

²⁷ А. Фадеев. Светлый и всеобъемлющий гений, стр. 490.

²⁸ См. А. Фадеев. Писатель и современность, стр. 219.

²⁹ А. Фадеев. Латышским писателям — привет!, стр. 246.

³⁰ А. Фадеев. Светлый и всеобъемлющий гений, стр. 489.

³¹ В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. III. М., ОГИЗ, 1948, стр. 405.

³² Там же, стр. 363.

³³ Там же, стр. 395.

Советское литературоведение обосновало единство толстовско-горьковской школы в творческом развитии А. Фадеева. Ряд исследователей обнаружили традиции Гоголя в отображении героизма советского человека. В структуре фадеевского романа увидели влияние Тургенева и т. д.³⁴

Закономерно, что советские литературоведы, исследуя романы Фадеева («Разгром», «Последний из удэге», «Молодая гвардия»), видят благотворное воздействие на его художественную практику литературы критического реализма и творчества старшего поколения советских писателей³⁵. Сам писатель в письме к А. Упиту признается, что по своему художественному воспитанию и литературным вкусам он принадлежит к «староверам» и любит «монументальную форму старого реалистического романа с его обилием социальных типов, подробными, точными описаниями быта и всего материального мира, среди которого протекает жизнь людей, где все выражено языком свободным и в то же время таким же материальным и весомым, где все прочно и устойчиво по фактуре, но тем пронзительнее и глубже, и долговечнее воздействие на душу читателя авторской большой гуманистической мысли»³⁶. Затем Фадеев развивает эту мысль, подчеркивая, в частности, свою стилистическую близость с Л. Толстым: «Лично у меня смолodu выработалась привычка к довольно усложненной фразе, условно говоря — «толстовского» типа. Это так же трудно теперь изменить, как походку. Я часто жалею о том, что эта моя литературная «походка» так мало родственна соответственной «походке» Тургенева (я имею в виду только стиль) или Пушкина в прозе. И когда мне приходится беседовать на эту тему с молодежью, я всегда рекомендую им в качестве образ-

³⁴ См. М. Эльсберг. «Разгром» А. Фадеева и влияние Л. Н. Толстого. «Октябрь», 1927, № 8, стр. 158—178. (К вопросу о критической и некритической учебе у классиков); Л. Жак. К вопросу о стиле романа Фадеева «Молодая гвардия». «Ученые записки Саратовской областной партшколы», 1948, вып. I, стр. 119—134. (О гоголевской традиции в «Молодой гвардии»); К. Зелинский. А. Фадеев, М., «Советский писатель», 1956. (О горьковской традиции в творчестве Фадеева); А. Бушмин. Из наблюдений над стилем А. Фадеева. «Вопросы советской литературы», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 151—154. (Анализ толстовской традиции в романе «Разгром». Полемика с К. Зелинским); А. Барсуки. Из наблюдений над стилем «Молодой гвардии» А. Фадеева. «Вопросы советской литературы», т. IV. Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 471—498. (Анализ традиции Гоголя и Л. Толстого в романе «Молодая гвардия»); Б. Беляев. А. Фадеев. Красноярское книжное издательство, 1956. (В работе исследуются традиции классиков в творчестве А. Фадеева); Б. Бялик. Надо мечтать. «Октябрь», 1947, № 11, стр. 181—189. (О традициях В. Маяковского в «Молодой гвардии» Фадеева).

³⁵ Эта мысль подтверждается высказываниями самого писателя в его статьях и письмах: «Задачи литературной теории и критики», стр. 414; «Мой литературный опыт — начинающему автору», стр. 910; «О творчестве В. В. Иванова», стр. 801, 802 и др.

³⁶ А. Фадеев. Романы А. Упита и некоторые вопросы социалистического реализма. Письмо от 19.IX 1953, стр. 772.

цов в области стиля (вернее стилистики) Пушкина, Тургенева, Чехова»³⁷.

В нашей исследовательской литературе пока еще не освещены с желательной ясностью вопросы традиций Пушкина в практике социалистических реалистов. Не затронуты они и в исследованиях о Фадееве. А между тем сам Фадеев, как об этом сказано выше, находил для себя пример в прозе Пушкина и рекомендовал литературной молодежи в качестве образца стилистики произведения Пушкина, Тургенева, Чехова. Точность и лаконичность, выразительность и удивительное мастерство Пушкина как стилиста, когда словам тесно, а мыслям просторно, романтическая приподнятость подкупают советского читателя, являются образцом художественного совершенства для современного писателя.

А. Фадеев, как и все советские писатели, настойчиво овладевал богатством русского языка, особенностями национально-русского стиля, основы которого заложил Пушкин. Ведь на литературном языке, созданном Пушкиным, говорит наша эпоха. Не случайно же В. И. Ленин вскоре после Великого Октября поднял вопрос о необходимости создать «словарь настоящей русского языка... от Пушкина до Горького»³⁸.

Да, собственно, дело ведь не только в стилистическом воздействии гигантов русской литературы на советских писателей. Главное — в широте размаха отображаемой ими жизни народа России, в непревзойденном всеилии созданных ими художественных типов, в глубине знания ими диалектики человеческой души.

В статьях о романе Фадеева «Последний из удэге» рецензенты указывали на «мучительный процесс психологического самоусовершенствования»³⁹ героини этого произведения Лены Костенецкой, связывая изображение этого процесса Фадеевым с толстовским методом психологического анализа. И в то же время они замечали, что «политическая и философская зрелость мысли автора, великолепный повествовательный тон его, огромной важности исторический материал, смело взятый и талантливо развернутый, — все это совсем не вяжется с громоздкой и созерцательной прозой, которой написан «Последний из удэге»⁴⁰. Рецензент правильно заметил стремление Фадеева приблизить поэтический слог романа «Последний из удэге» «к благородной простоте»⁴¹. Да и сам Фадеев уже в те годы подчеркивал, что ему в литературной работе «хотелось

---

³⁷ А. Фадеев. Романы А. Упита и некоторые вопросы социалистического реализма. Письмо от 18.XI 1953, стр. 778.

³⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 369.

³⁹ Л. Левин. Человеческий материал. «Звезда», 1936, № 5, стр. 248.

⁴⁰ Е. Титов. От Толстого к Пушкину. Хабаровск, «На рубеже», 1934, № 3, стр. 143.

⁴¹ Там же.

бы достичь большей экономности, лаконичности... отойти от прозы «толстовского типа» к прозе «пушкинского типа»⁴². Здесь следует помнить подчеркнутую выше мысль Фадеева о пушкинских традициях, пронизывающих всю последующую после Пушкина литературу и, следовательно, своеобразно проникшую, возможно и через Л. Толстого, в творческую лабораторию Фадеева. В первую очередь, это радостное, оптимистическое восприятие народной жизни, умение увидеть в ней самое передовое, ее романтику.

Интересно в этом отношении проследить пушкинские традиции в романе Фадеева «Молодая гвардия». Нельзя, в частности, не заметить, что оптимистическая настроенность, солнечные пейзажи в произведениях социалистического реалиста восходят к пушкинской традиции отображения родной природы, душевного мира человека. (Сопоставление, например, романтической манеры письма пейзажей, лирических отступлений в творчестве А. Фадеева и А. С. Пушкина дает основание этим суждениям).

В своей непосредственной творческой практике (особенно в романе «Молодая гвардия») и литературно-критических статьях⁴³ Фадеев утверждает романтику как неотъемлемую часть метода советской литературы, идущую от классики и в первую очередь от Пушкина. «Русская литература XIX века, начиная с Пушкина, не знает такого резкого разграничения реализма и романтизма. Она оплодотворялась освободительным движением народных масс, поисками справедливости». Особенностью русской литературы, начиная с Пушкина, всегда было «видеть и находить элементы красоты в самой действительности и звать людей к лучшему. Отсюда привлекательные, светлые, сильные, положительные образы русской литературы, отличавшиеся реалистической правдивостью и, одновременно, выступавшие носителями тех общественных идеалов, которыми были одухотворены их авторы»⁴⁴. Начиная с Пушкина, передовая русская литература создавала положительные образы и звала людей к добру⁴⁵.

На протяжении многих лет своей зрелой литературно-критической деятельности Фадеев раскрывает значение революционной романтики как одной из существенных сторон метода социалистического реализма. В многообразии форм этого метода выделяет он романтическую форму «выражения правды жизни» и отмечает, что «эта форма особенно трудна в прозе,

---

⁴² А. Фадеев. За хорошее качество, за мастерство, стр. 119.

⁴³ Например, в статье «О постановлениях ЦК партии по вопросам литературы и искусства» (стр. 354), в ссылках к ней (стр. 354 и 355) и других статьях.

⁴⁴ А. Фадеев. О постановлениях ЦК партии по вопросам литературы и искусства, стр. 353.

⁴⁵ А. Фадеев. Задачи советской литературы, стр. 363.

но она, эта форма, подсылна нам, — тем более, что имеет таких могучих предшественников в русской прозе, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Горький»⁴⁶.

У величайших художников прошлого советские писатели находят пример правдивости и требовательности, уважения к мастерству. Характерно отношение гениального Пушкина к своим товарищам по творчеству. Мысль Пушкина о «друге и советнике» в стихотворении «Художнику» оказалась созвучной советскому литератору: «Признание высокого, чистого, честного отношения товарища к труду, высокого качества его труда — есть основа радости, уважения и благодарности. И какой это благородный стимул в работе!»⁴⁷. При этом, безусловно, сохраняется высокий эстетический критерий к результатам поэтического труда, не нарушается здоровая атмосфера творческих исканий в литературном деле. Обращаясь к словам Пушкина о Дельвиге, Фадеев думал о советской литературе, о расцвете ее творческих дарований.

Опыт современной литературно-общественной жизни в нашей стране приводит писателя к выводу: «Каждый из нас может воскресить в памяти лучших «друзей и советников», — говоря словами Пушкина, — сыгравших эту благородную роль в нашем развитии своей способностью радоваться, которая неотрывна от неподкупной требовательности. И число талантливых людей — тружеников, требовательно относящихся друг к другу, людей прямодушных, имеющих право на эти пушкинские слова по отношению друг к другу, все растет»⁴⁸.

Творчество Пушкина отвечает духу нашего времени. В нем неисчерпаемые родники идейных и эстетических богатств русской литературы, в него вложил Пушкин свою сыновью любовь к России, к своему народу, влил много «крови сердца», скажем словами Фадеева. Из пушкинского океана поэзии берут свои истоки великие реки русской литературы.

Традиции Пушкина, обновленные и дополненные богатствами художественной мысли эпохи развернутого строительства коммунизма, воспримут поколения писателей будущего.

Вот почему, как прекрасно сказал Фадеев, «советский народ, строящий коммунистическое общество, бережно и гордо подымает над миром великое наследие Пушкина»⁴⁹.

---

⁴⁶ А. Фадеев. О творчестве В. В. Иванова, стр. 802.

⁴⁷ А. Фадеев. О требовательности в мастерстве, стр. 153.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ А. Фадеев. Светлый и всеобъемлющий гений, стр. 490.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961